

Чарльз Диккенс

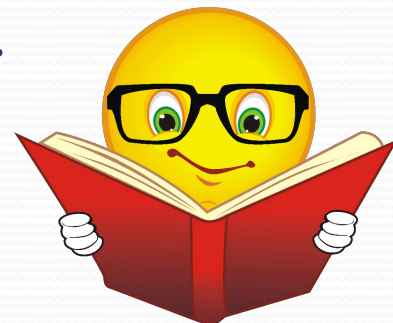
Чарльз Диккенс

1820-1870г.

Диккенс

- Родился Диккенс в 1812 году, в то время, когда шла война с Наполеоном и англичане опасались высадки французских войск. Увидел Диккенс свет на побережье, в Портси, жители которого смотрели на европейский берег с особенной тревогой: уж если французы придут, то прямо к ним... Но Наполеон повернул на Россию.

Диккенс

- Будущий писатель был внуком лакея, сыном чиновника. Отец его служил в морском ведомстве. Со временем Джон Диккенс-старший под другим именем стал персонажем в одном из романов своего сына, поэтому мы очень живо можем его себе представить. Человек, у которого большие запросы, большие планы — и малые возможности. Много прекрасных слов — и почти никаких дел. Живет, как бы играя в жизнь. Игра безвредная, если только держаться от этого человека на расстоянии, но люди близкие подвержены постоянному риску. Так было и на самом деле. Отец Диккенса попал в долговую тюрьму, оставив семью без средств к существованию.
- Двенадцатилетний Диккенс поступил работать на склад. Хранились там банки с ваксой. Мальчик клеивал на них ярлыки. Работали тогда по шестнадцать часов в день.
- Было это в Лондоне, столичном городе, который сам по себе представляет целую страну. Диккенс работал в центре, а жили они далеко, у северной окраины. Каждый день утром и вечером мальчик совершал путешествие через город, наблюдая, как от улицы к улице меняется жизнь. Другие дома и даже запахи другие окружали его, пока он шел. Пробирался по многолюдному центру — пахло сладкими пирожками из кондитерских, порог которых он даже в мечтах своих не переступал. Приходил же он в итоге к бедности.

Диккенс

- Рано узнал Диккенс эту разницу. Потом уже как писатель он передал ее в своих книгах со всей остротой, подсказанной ему его собственными воспоминаниями. И в «Лавке древностей» прочтете вы о путешествии, показывающем смену богатства — бедностью, довольства — нуждой. Только это уже будет в самом деле путешествие по стране, по Англии.
- Всей семьей ходили они в тюрьму навестить отца. И ведь почти ни одна книга Диккенса не обойдется без тюрьмы. Так уж будет складываться судьба его героев. Сами они оступаются или уж судьба толкает их в Нью-Гейт, Флит и Маршалси — все это названия печально знаменитых лондонских тюрем. В Маршалси находился отец Диккенса.
- Всей семьей ходили они в тюрьму навестить отца. И ведь почти ни одна книга Диккенса не обойдется без тюрьмы. Так уж будет складываться судьба его героев. Сами они оступаются или уж судьба толкает их в Нью-Гейт, Флит и Маршалси — все это названия печально знаменитых лондонских тюрем. В Маршалси находился отец Диккенса.

Диккенс

- Однако, по обыкновению, отец семейства своих средств не рассчитал. В ближайшем же времени семье пришлось с квартиры съехать, приличной квартиры. И Диккенс учебное заведение оставил, довольно привилегированное заведение, даже звавшееся «академией». Ведь нечем было платить!
- Больше учиться Диккенсу не пришлось. Все же в школе он пробыл достаточно, для того чтобы запомнить «уроки» на всю жизнь. Не один раз он опишет, каково это было в стенах «закрытого учебного заведения». Сколько писем получит он с упреками: «Так не бывает!» Нет, бывает, он проверил это на собственном опыте, на собственных ладонях и... прочих частях тела, которые с неумолимостью полировала розга главного учителя.
- Пятнадцати лет Диккенс вновь поступил работать — писцом у адвоката. Сколько же потом опишет он судебных стряпчих и судов! Сколько раз услышит: «Клевета!» А он знает, что совсем не клевета: хозяева конторы, где он служил, дали ему незабываемые примеры юридического крючкотворства.

Диккенс

- Желая как-нибудь поправить свои дела, отец Диккенса овладел стенографией и стал журналистом более высокого разбора. Следом за ним выучил стенографию и Чарльз Диккенс. Он тоже поднялся повыше и в тех же судах смог принимать участие уже не как мальчик на побегушках, а — репортер на процессах.
- Диккенс идет вверх. Становится репортером парламентским и вообще ездит как корреспондент по стране. Многие из того, что он уже успел в жизни узнать с ранних лет — слишком ранних! — узнает Диккенс теперь как бы заново. По второму кругу проходит жизненную школу. Наблюдает взглядом более зрелым, уже профессиональным писательским взглядом все, что когда-то, вроде школьной розги, стало ему известно самым непосредственным образом.
- Наблюдает — и пишет об этом. Работные дома для бедняков, закрытые пансионы, судейские конторы. Конечно, времена меняются, иногда к лучшему. Например, по новым законам, которые тогда казались благотельными, детей запрещалось держать на работе более... двенадцати часов. Дойдет и до десяти, но десять или шестнадцать, а Диккенс знал, что такое труд с малых лет. Знал вкус бедности. Знал, каково обивать пороги тюрьмы или адвокатской конторы. И это изначальное знание жизни пополнял он на литературном пути.

Диккенс

- Пишет Диккенс обо всем. Пишет всюду, даже в почтовом дилижансе. А если дилижанс по дороге сломается, то репортеру, пока починят, ждать некогда: материал в номер! И дождь не дождь, стужа не стужа, Диккенс торопился до ближайшей станции или прямо до места назначения пешком.
- Особенно удачными получались у Диккенса очерки из лондонской жизни. «Видно, что автор — пристальный наблюдатель нравов и характеров, он обладает большой восприимчивостью ко всему нелепому, обладает способностью в остроумном и забавном свете изображать пороки и причуды человеческой природы. У него, кроме того, имеется особая сила, способная вызывать и слезы, и смех. Его картины преступлений и подлости, которых предостаточно в этом обширном городе, тронут сердце даже самого беспечного и невнимательного читателя».
- Таково было мнение о молодом Диккенсе одного опытного редактора. Видно по отзыву, что и редактор в своем деле человеком был восприимчивым. Тут указаны, собственно, все те свойства, что в дальнейшем прославят Диккенса.

Диккенс

- Насколько верил этот редактор в Диккенса, говорит и тот факт, что редактор не только заказал ему целую серию очерков, но и не возражал, когда начинающий автор сделал предложение его дочери. А у Диккенса совсем еще не было в жизни устойчивости. Сам он только прокладывал себе дорогу, отец его вновь оказался в долговой тюрьме, откуда удалось его выволить, взяв на поруки.
- И тут вдруг Диккенс получил заказ, определивший его дальнейшую судьбу. Владельцы солидной издательской фирмы предложили ему работу. Они тоже читали корреспонденции молодого журналиста и оценили живость его описаний. Итак, заказ: подписи к картинкам. На картинках будут охотники. Сцены из охотничьей жизни. О чем только не писал Диккенс! Но вот беда: об охоте при всем своем опыте не имел он никакого понятия. Откуда же почерпнуть ему охотничьи сведения? И Диккенс сделал издателям контрпредложение, исходя их принципа: «Запрягается лошадь в телегу, а не телега в лошадь». Так почему же подписи к рисункам, а не рисунки к рассказам? Диккенс решил взять на себя роль лошади, литературной «лошади», которая и повезет весь этот «воз». Он будет описывать отдельные сценки, а уж художник нарисует к ним иллюстрации. Предложение было принято, только что же автор будет описывать, если ни разу в жизни он не бывал на охоте?

Диккенс

- А Диккенс взял и описал именно таких охотников, которые не знают, с какой стороны заряжается ружье, и в седло они садятся задом наперед. Для них суть не в охоте. Им важно побродить, поездить, понаблюдать. Так появились на свет члены Пиквикского клуба во главе с достопочтенным мистером Пиквиком. Так привилось понятие пиквикизм, означающее деятельный интерес к жизни, бескорыстную доброжелательность к людям.
- «Записки Пиквикского клуба» прославились в Англии и за ее пределами. Но успех поставил Диккенса в трудное положение. Заказы следовали один за другим, и он не отказывался, не мог отказаться; он зависел от литературного заработка. У него росла своя семья, он заботился о родителях, поддерживал братьев. По его собственным словам, Диккенс до конца дней так и оставался в положении трудового коня, который не вылезает из упряжи.
- Как напряженно работал Диккенс, видно по датам: каждый год выходят его новые книги. Одна книга пишется и тут же печатается выпусками. Другая, уже прошедшая через издание «с продолжением», выходит отдельно, целым томом, точнее, в двух или трех томах. Так, когда «Пиквикский клуб» еще печатался, уже был начат «Оливер Твист», история мальчика, сироты, выросшего в Лондоне. «Пиквикский клуб» был издан отдельной книгой, вышли три первые части «Оливера Твиста», и тут же в двадцати выпусках планируется «Николас Никльби» — история молодого человека, которому довелось преподавать в «закрытой», школе. Называем мы только романы, а ведь Диккенс продолжал, кроме того, писать и очерки и рассказы.

Диккенс

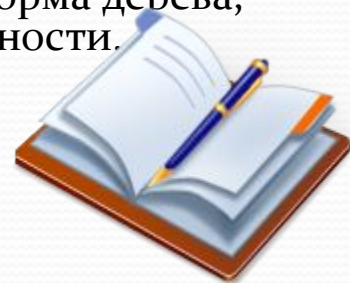
- Трудового «коня» подгоняют издатели, подзадоривают читатели. Читательский отклик на книги, можно сказать, и поддерживал Диккенса. Отклики, впрочем, были самые разные. Книги Диккенса заставляли смеяться, книги его заставляли плакать. Ему с негодованием писали: «Так не бывает!» И с еще большим негодованием: «Как вы смели изобразить меня и мою жену, сэр?!» Это после первых выпусков «Николаса Никльби», где описывалась школа, ему шли подобные письма от мастеров «учить» розгами. А Диккенс никого специально не копировал. Просто он знал, как это бывает...
- Пятым по счету романом Диккенса была «Лавка древностей», начатая в 1840 году, в марте.
- Вам покажут в Лондоне лавку. Двухэтажный деревянный домик похож на сгорбленного старичка, попавшего в толпу мрачноватых, но рослых молодцов: вокруг современные дома. За стеклами, как и полагается в антикварной лавке, видны всякие старинные предметы. Лестница, должно быть, скрипучая, ведет прямо от двери на второй этаж. Вдруг вы вспоминаете, что никакого второго этажа в книге Диккенса не указано, и вообще лавка находилась, кажется, возле Лейстерской площади, а это — Хай-Холборн. И все-таки вам говорят: «Вот лавка древностей». Большой ошибки тут нет. Это — по соседству, а той лавки все равно уже не существует, зато именно здесь находилась мастерская переплетчика, у которого Диккенс переплетал книги. Вы видите главное: над диккенсовским домиком слой за слоем громоздится город.

Диккенс

- Хотя во времена Диккенса все строения были неизмеримо ниже, все-таки в книге про лавку древностей сказано «маленький домик»... Даже и тогда лавка выглядела затерянной, стиснутой среди других домов, вернее, стискиваемой быстро растущими зданиями. Вся книга и написана о том, как меняется Англия, и перемены совершаются далеко не к лучшему.
- В январе 1841 года весь роман был закончен и в том же году вышел отдельной книгой. Так вот, в ту пору еще делом будущего, правда, близкого будущего, 1842 года, но все же еще только будущего, было введение закона, запрещавшего принимать на работу девочек младше пяти, а мальчиков — десяти лет. Это объясняет гнетущую атмосферу всего романа, это объясняет, почему главная героиня книги Нелли, она хотя и маленькая, но, в сущности, уже взрослая. По летам маленькая, а испытания ложатся на ее плечи не детские.
- С Нелли и ее дедушкой, владельцем антикварной лавки, встречаемся мы в самом начале книги. Но вскоре остаются они без крова, нужда гонит их в путь, по стране. Диккенс с умыслом направляет их в Среднюю Англию, наиболее промышленную, где прокладывали первые железнодорожные пути и возникали все новые шахтерские поселки. Герои Диккенса следуют прямо по пятам новшеств, реформ — и легче на сердце у них не становится. Бунтующих рабочих они просто пугаются, причем вместе с Диккенсом. Ужасали его и бесчеловечные условия труда, и требовательность обездоленных.

Диккенс

- И все-таки, изобразив недовольство тружеников, Диккенс поступил очень смело. Ведь это были сторонники первого в истории организованного рабочего движения. Их называли чартистами, потому что за два года до того, как Диккенс начал писать «Лавку древностей», весной 1838-го, подали они в парламент прошение, буквально: «бумагу» (чартер, или хартию), с требованием улучшения условий, повышения заработка — одним словом, прав. Одно упоминание о чартистах пугало собственников. А Диккенс описал их пусть в мрачных тонах, но все-таки сочувственно, ибо не признать праведность их гнева он не мог.
- «Работая над «Лавкой древностей», — рассказывал Диккенс, — я все время старался окружить одинокую девочку странными, гротескными, но все же правдоподобными фигурами...» Такие лица в книгах Диккенса, странные до невероятия и в то же время живые, завоевали особенное внимание читателей. Правда, авторитеты говорят, что просто так, на лондонских улицах, ни тогда, ни теперь нельзя встретить диккенсовских персонажей. Населяют они только книги Диккенса. А все-таки чего-то диккенсовского трудно не заметить в каждом англичанине. Прежде всего — причудливость, подчас привлекательная, иногда отталкивающая и всегда по-своему понятная, как понятна странная форма дерева, принявшего под натиском ветра и непогоды форму окружающей местности.

Диккенс

- «Жил на свете человек, скрюченные ножки, и ходил он целый век по скрюченной дорожке» — стихи эти написал поэт-шутник, современник Диккенса. Диккенс развернул целую галерею лиц и фигур, скрюченных, изломанных, искаженных. Улыбки у него странным образом переходят в хищный оскал. Вежливость, безупречная вежливость, чересчур безупречная, в конце концов становится методическим тиранством. А иногда — суровость и сухость, скрывающие сердце слишком даже отзывчивое. Таковы они, диккенсовские чудачки, отличающиеся непременно и еще какой-нибудь странностью: кто без руки, кто сгорблен, кто прихрамывает... Искалечили их обстоятельства, жизнь. А если этот чудак — из чудачков злых, он и сам с усмешечками и с улыбочками калечит, притесняет и мучает окружающих. Если чудак добр, то старается уберечь от зла хотя бы самых слабых и беззащитных.
- В «Лавке древностей» есть и те и другие. Среди всех выделяется, конечно, карлик Квилп, миниатюрное чудовище, спрут, цепко хватающий своими щупальцами. Тут же чудачки мечтатели, обуреваемые грезами всех оттенков, от безумной идеи вдруг выиграть целое состояние (это дедушка бедной Нелли) до мягкой мечтательности, свойственной хотя бы школьному учителю, приютившему путников (ведь у самого Диккенса были и такие учителя, которые учили с ремнем не розгой).

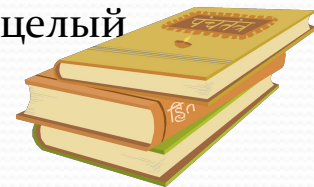

Диккенс

- Но в первую очередь сердца читателей, современников Диккенса, тронула Нелл. Ждали кораблей с очередными выпусками, где должен был решиться вопрос: выдержит ли девочка испытания или все-таки погибнет? Ковбои смахивали слезу с заветренных лиц, когда узнали, что тяготы жизни оказались выше сил маленькой Нелл. Над ее судьбой проливал слезы требовательный критик Джеффри, а между тем самые трогательные стихи английских поэтов оставляли его совершенно холодным. Суровый историк Карлейль был потрясен ее участью. И даже Эдгар По, сам автор «ужасных рассказов», от которых волосы становятся дыбом, говорил, что смерть Нелли — слишком тяжелое испытание для читателей. Правда, потом, уже в конце века, еще один английский писатель — большой парадоксалист — утверждал, что плакать над смертью Нелли могут только люди, лишённые сердца. Это — менялись времена, менялись литературные вкусы. А кроме того, ведь у Диккенса и в самом деле некоторые описания были не трогательными по-настоящему, а всего лишь слезливыми.
- Да, и это было у Диккенса. Умел заставить смеяться, умел заставить и плакать, но не всегда средствами дозволенными, отвечающими требованиям высокого искусства.
- На книгах Диккенса вообще сказывались условия его работы. Например, размеры романа. Они были predeterminedены. Должны были выйти двадцать выпусков, не больше и не меньше, потом должно было получиться два или три тома, в зависимости от заказа. Романы приспособлялись и к «продолжению», к «семейному чтению», которое становилось тогда популярно. В предисловии к отдельному изданию «Лавки древностей» Диккенс рассказал, что первоначально, поскольку роман предназначался для журнала «Часы мистера Хамфри», рассказчиком всей истории должен был стать сам мистер Хамфри. Потом выступили на страницах повествования живые герои, и мистер Хамфри оказался не нужен. «Когда роман был закончен, — говорит

Диккенс

- Диккенс, — я решил освободить его от промежуточного материала». И не освободил. Все это так и осталось и несколько мешает читателю.
- А все-таки «Лавка древностей» сделала Диккенса властелином читательских сердец. Понимая прекрасно, чем же он так тронул читающую публику, Диккенс и в дальнейшем не расстался с затронутыми темами, с лицами, однажды обрисованными, хотя, разумеется, он не повторял прежнего, а развивал, зорко наблюдая за окружающим.
- Вновь и вновь на страницах его книги появятся дети, особые диккенсовские дети, маленькие взрослые. Это будет Поль Домби из романа «Домби и сын», и его преждевременная смерть заставит пролить, пожалуй, не меньше слез, чем кончина Нелли; причем эта детская смерть, описанная Диккенсом, уже более зрелым Диккенсом, и современного читателя не оставит равнодушным. Это будет Дэвид Копперфильд из «Истории Дэвида Копперфильда», которую Толстой прочел впервые в молодости и, вспоминая в старые годы, какое же впечатление произвела на него эта книга, поставил: «Огромное».
- Диккенс по-прежнему пристально будет следить за меняющимся обликом современной ему Англии. Со временем напишет он о трудовой Англии целый роман «Тяжелые времена».

Диккенс

- Поездки в Америку дадут Диккенсу материал для сравнения Старого и Нового Света. Он увидит и опишет в «Приключениях Мартина Чеззльвита» всю фальшь буржуазной демократии. А в эпоху расцвета своего гения скажет суровые слова: «С каждым часом во мне крепнет старое убеждение, что наша политическая аристократия вкупе с нашими паразитическими элементами убивает Англию. Я не вижу ни малейшего проблеска надежды. Что же касается народа, то он так резко отвернулся и от парламента и от правительства и проявляет по отношению к тому и другому такое глубокое равнодушие, что подобный порядок вещей начинает внушать мне самые серьезные и тревожные опасения».
- Работал Диккенс не покладая рук. Литературный «конь» оставался в упряжке. Пишет, редактирует и сам выступает с чтением своих произведений. До пятисот концертов состоялось с участием Диккенса. Как выразился один критик, Диккенс в итоге просто надорвался, исполняя роль «всеми любимого писателя».
- Умер он внезапно, от кровоизлияния в мозг, пятидесяти восьми лет, в 1870 году.

Диккенс

- Остался жить целый диккенсовский мир, помещающийся в тридцати томах собрания его сочинений.
- На нашей земле Диккенс нашел вторую родину. Первый же переводчик Диккенса в России — одаренный Иринарх Введенский — познакомился с самим Диккенсом и рассказал ему, с каким горячим участием воспринимаются его книги русскими читателями. Среди этих читателей были Гоголь, Толстой, Достоевский, который особенно любил дедушку и внучку из «Лавки древностей». Диккенса читали, будто проходили школу, особую школу, которая учит состраданию к людям и вере в людей.
- И все новые поколения читателей не расстаются с книгами Диккенса.

Диккенс

